

Владимир Мирзоев поставил новый спектакль

Семеро святых и Хэллоуин

Спектакли Владимира Мирзоева — блюда острые и яркие, сдобренные эзотерикой, стилем (а порой и стебом) и приправленные отличными актерами — их украшением обычно становится Максим Суханов. Таково самое распространенное мнение о том, что делает режиссер. «Семеро святых из деревни Брюхо» Людмилы Улицкой, последняя мирзоевская премьера, вышедшая в Театре Станиславского под это клише не попадает.

Известия 16 дек — 2003 — с 13.
Алексей ФИЛИППОВ

Здесь нет ни эзотерики, ни стеба и не особенно виден стиль — на этот раз Владимир Мирзоев оказался серьезен и относительно прост. Режиссер говорит о важных вещах: его новый спектакль рассказывает о том, как красноармейцы порешили семерых праведников — ясновидицу Дусю, ее служек, местного юродивого и деревенского попа. Обычно режиссеру Мирзоеву не изменяет чувство юмора, но работая над «Семерыми святыми...», он его глубоко спрятал.

Перед нами нечто новое: в своих прежних спектаклях Мирзоев мог, к примеру, говорить о суфизме, и это было ему к лицу. Мирзоев олицетворяет театральную альтернативу и авангард — суфизм сюда вписывается, с православными мучениками дело обстоит сложнее. За несколько последних лет православие успело стать официальной идеологией, в таком контексте Мирзоев смотрится не слишком органично. Веру использовали для разных, не всегда приличных нужд — и политических, и коммерческих, и медийных. Собирающийся говорить о ней со сцены режиссер поставлен в очень жесткие условия: рассказывая о том, как одни убивают из ненависти к Христу, а другие идут ради него на смерть, легко сорваться в банальность, а то и в спекуляцию — для одаренного и искреннего человека это ужасно. Иными словами, Владимиру Мирзоеву предстояло пройти по проволоке. А она на сей раз была тонка.

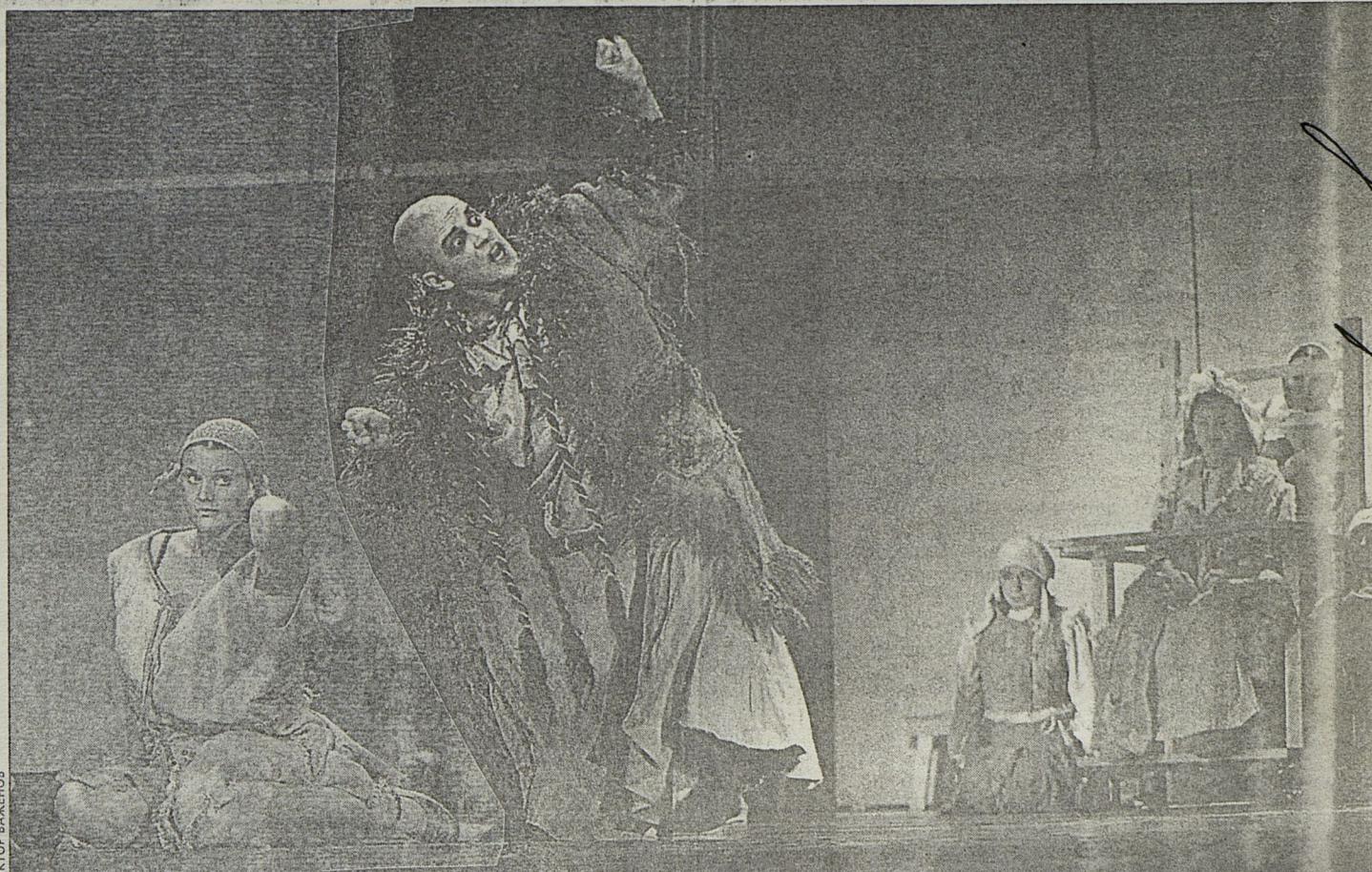
«Семеро святых из деревни Брюхо» были бы современным и живым текстом в конце восьмидесятых годов, когда страна открывала для себя очевидные вещи. Красные комиссары — бандиты; расстрелянные ими священники — мученики; безразличные ко

всему спивающиеся крестьяне подобны скоту... Прописи советского агитпропа сменила другая пропись: минус обернулся плюсом, хорошие и плохие поменялись местами. В 1986 году это выглядело свежо, в 2003-м смотрится неоригинально; Людмила Улицкая говорит сущую правду, но ее пьеса одномерна и чересчур ангажирована.

Жила-была деревенская провидица, полупарализованная среднерусская Ванга, предсказывавшая будущее и умевшая творить чудеса. В ее селе стояла церковь, в церкви висела чудотворная икона. В сенях у провидицы мыкался призванный в Красную Армию молодой крестьянин — он не хотел служить безбожникам. По деревне бродила не любившая провидицу юродивая и швыряла в замечательную женщину дерьмом.

Затем появился бес, красный комиссар Рогов, охальник, блудник и кровопийца, сын церковного старосты, старший брат молодого дезертира. Рогов устроил неправый суд: на приговоре кровью расписались деревенская потаскушка да спившийся сельский учитель, бывший революционер. Праведников расстрелял запуганный красными роговский брат. Когда он раздел трупы, выяснилось, что юродивая была мужичиной (он оказался экс-женихом провидицы). Брат-палач увидел, как убиенные возносятся в горние выси, и тронулся рассудком. Беременная подруга комиссара Рогова повесилась.

В тексте Улицкой оттенков не больше, чем в его пересказе: с преступлением жестко связано наказание, а комиссару Рогову не хватает лишь дьявольских рогов. Владимир Мирзоев питает слабость к простым и ясным идеям (обуреваемый дурными страстями Лир носит жуткую маску; когда старый король очищается через страдание, личина исчезает и

Деревенская красавица (Людмила Казакова) и деревенская юродивая (Лера Горин) — она же святой подвижник

нам открывается его подлинное, человеческое лицо). Он экстравагантный режиссер — но за гротеском и буффонадой часто скрывается нравоучение. Здесь оно представлено в химическом чистом виде.

Проблема в том, что с этим плохо совпадает мирзоевская манера. Он мастер театрального балагана, причудливой маски, клоунады, он тонко чувствует стиль — но насколько его умения приложимы к истории о семи деревенских святых? До сих пор казалось, что открытый пафос Мирзоеву противопоказан: похоже, он решил разделаться с этим мнением.

Перед нами персонажи спектакля: одышливая и нравная, слегка безумная пророчица Дуся (Ольга Лапшина), исполненный самых святых чувств благородный

батюшка Василий (Валерий Симонов), мечтающий о тихой и праведной жизни будущий палач Тимоша (Антон Эльдаров) и трудноразличимые в общей массе святые помельче. Им противостоят разбитной охальник Рогов (Александр Самойленко) и паратупых красноармейцев, думающих только о том, как бы поест да пограбить. Об руку с Роговым народ: ничего не соображающий, распухший от пьянства учитель Голованов (Марк Гейхман) и разбитная, добродушная, готовая доставить удовольствие всем и каждому молодуха (Людмила Казакова). Рогов свято верит, что человек — двуногое животное; пророчица Дуся полагает, что у всего на свете есть высший смысл. Праведные погибают, вера торжествует — об этом и рассказывает спектакль.

Музыка Пьяццоллы соседствует в нем с церковными песнопениями, есть и любимые Мирзоевым пластические номера. Юродивая Маня Горелая, она же блаженный Пров (это существо играет Лера Горин), ходит по сцене чуть ли не колесом, трясет украшенной косами лысой головой и живо напоминает о Хэллоуине. Владимир Мирзоев ставил спектакль о том, что ему кажется важным; вместе с тем он ориентировался на свою публику. Мирзоева любит клубная молодежь — на нее и рассчитан язык спектакля. Его содержание скорее адресовано мамам и папам молодых людей. Справиться с этим противоречием режиссеру не удалось.

Все стало бы на свои места, если бы Дусю играла дама, обладающая способностями Максима

Суханова: загадочная, бог весть чем заряженная, странная женщина-глыба. Рядом с ней полинял бы мелкий пакостник Рогов, все бы поняли, почему от одного Дусино-го слова трепещут приживалки, из-за чего бежит советоваться к ней священный. Тогда бы ничего не удивило и чудо: Дуся глянула на ворвавшихся в храм красноармейцев — те и ослепли. Сейчас с Роговым препирается бойкая, язвистая, сильно пыхающая дама — в ней нет ни силы, ни тайны, и ее необычные способности приходится принимать на веру.

Дусю будет играть и Елена Морозова — может быть, тогда в спектакле все станет на свои места. Но пока он странен, как страна Маня-Пров, сильно смахивающая на участвующего в гей-вечеринке трансвестита.

Мирзоев
Владимир